

ISSN 1026-5627

Русский
орнитологический
журнал

2019
XXVIII

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1832
EXPRESS-ISSUE

2019 № 1832

СОДЕРЖАНИЕ

- 4703-4711 Сергей Иванович Рябинин (1918-1997) – орнитолог, фенолог, поэт и мыслитель. Е. Э. ШЕРГАЛИН
- 4711-4713 Залёт короткохвостого поморника *Stercorarius parasiticus* на Шульбинское водохранилище в Восточно-Казахстанской области. Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ
- 4713-4715 Сентябрьская встреча белолобых гусей *Anser albifrons* в окрестностях города Семей (Семипалатинск). Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ, А. С. ФЕЛЬДМАН
- 4716-4722 Влияние изменений в сельском хозяйстве и климате на чибиса *Vanellus vanellus*, травника *Tringa totanus*, поручейника *Tringa stagnatilis* и бекаса *Gallinago gallinago* в Виноградовской пойме (Московская область). А. Л. МИЩЕНКО, О. В. СУХАНОВА
- 4723-4730 История расселения и современное состояние японского бекаса *Gallinago hardwickii* на острове Сахалин. О. П. ВАЛЬЧУК, В. Н. СОТНИКОВ, С. Ф. АКУЛИНКИН, К. С. МАСЛОВСКИЙ
- 4730-4731 Биоценотические проблемы фенологии птиц. С. И. РЯБИНИН
- 4732-4733 Половая структура популяции и избирательность промысла белой куропатки *Lagopus lagopus* в Ямало-Ненецком автономном округе. В. Н. ПИМИНОВ
- 4733-4734 Серый буревестник *Puffinus griseus* в Баренцевом море. Э. ДАФФИ
- 4734 Кулики Доно-Цимлянского песчаного массива. В. П. БЕЛИК, Г. Б. БАХТАДЗЕ
- 4735 Ласточки следуют за трактором и ловят вспугнутых насекомых. А. Д. УИЛКИНСОН
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

2019 № 1832

CONTENTS

- 4703-4711 Sergey Ivanovich Ryabinin (1918-1997) - ornithologist, phenologist, poet and thinker. E. E. SHERGALIN
- 4711-4713 Vagrant Arctic skua *Stercorarius parasiticus* on the Shulba reservoir in the East Kazakhstan Oblast. N. N. BEREZOVIKOV
- 4713-4715 September record of white-fronted geese *Anser albifrons* in the vicinity of Semey (Semipalatinsk). N. N. BEREZOVIKOV, A. S. FELDMAN
- 4716-4722 Influence of changes in farming and climate on the lapwing *Vanellus vanellus*, redshank *Tringa totanus*, marsh sandpiper *Tringa stagnatilis* and common snipe *Gallinago gallinago* in the Vinogradovo floodplain (Moscow Oblast). A. L. MISCHENKO, O. V. SUKHANOVA
- 4723-4730 History of expansion and current status of the Latham's snipe *Gallinago hardwickii* on Sakhalin Island. O. P. VALCHUK, V. N. SOTNIKOV, S. F. AKULINKIN, K. S. MASLOVSKY
- 4730-4731 Biocenotic problems of bird phenology. S. I. RYABININ
- 4732-4733 Sex ratio in the willow grouse *Lagopus lagopus* population and hunting selectivity in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. V. N. PIMINOV
- 4733-4734 The sooty shearwater *Puffinus griseus* in Barents Sea. E. DUFFEY
- 4734 Waders of the Don-Tsimlyansk sand massif. V. P. BELIK, G. B. BAKHTADZE
- 4735 Hirundines following tractor and taking moths. A. D. WILKINSON
-

Сергей Иванович Рябинин (1918-1997) – орнитолог, фенолог, поэт и мыслитель

Е.Э.Шергалин

Евгений Эдуардович Шергалин. Мензбировское орнитологическое общество. E-mail: zoolit@mail.ru

Поступила в редакцию 16 сентября 2019

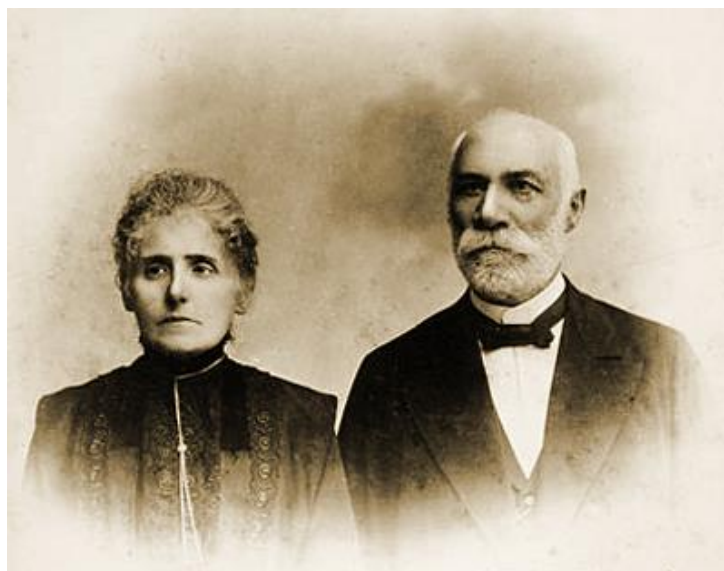
В прошлом году исполнилось 100 лет со дня рождения польского орнитолога российского происхождения Сергея Яновича (Ивановича) Рябинина (1918-1997). К этой дате в Польше вышла целая серия биографических статей о нём (Beiger 1998; Gawłowska 1998; Józwił 2014; Józwił 2015; Skuratowicz 1988), в то время как современному поколению орнитологов бывшего СССР его имя остаётся почти неизвестным. Судьба его рода во многом удивительна. На протяжении полутора веков разные поколения этой талантливой семьи связали воедино русско-польскую науку и культуру.

Сергей Иванович (Сергиуш Янович)
Рябинин (1918-1997).

Дед Сергея Ивановича Сергей Флорович Рябинин родился в 1838 году и в 1865 году приехал в Люблин, в котором служил в крестьянском комитете и в основном занимался вопросами страхования. За образцовое служение он получил множество наград: орден Святого Станислава, орден Святого Владимира и орден Святой Анны. Он также

был награждён медалью к 300-летию династии Романовых. В 1895 году он и его семья получили дворянство. В 1872 году Сергей Флорович женился на Полине Гетц, имеющей немецкие и французские корни. Их брак был заключён в ныне не существующем соборе Воздвижения. В наследство от родителей Полины супруги получили, среди прочего, многоквартирный дом на сегодняшней улице Злота, 3. У супругов Рябининых было четверо детей: три дочери и один сын.

Полина и Сергей Фролович Рябинины.
Из собрания Люблинского Музея. http://www.muzeumlubelskie.pl/Aktualnosci_Muzeum_Historii_Miasta_Lublina/_O_LUBELSKIEJ_RODZINIE_RIABININOW-2-893-23.html

Сын Сергея и Полины Иван (по-польски Ян) родился 22 августа 1878 года в Люблине. Учился в Люблинской средней школе, а высшее образование получил на историческом факультете Московского университета, который, несмотря на серьёзные нарушения слуха, окончил в 1904 году. В течение следующих нескольких лет он работал в архиве польского отдела Министерства иностранных дел Российской империи, занимаясь организацией этого обширного хранилища. В это время стали появляться первые научные публикации Яна об источниках по истории Польши. В 1914 году он женился на Таисии Крапивиной (1878-1961) – учительнице Четвёртой Крестовской женской школы в Москве. После 1917 года вместе со своей женой и дочерью Евдокией он уехал на Украину, куда привёз свою семью из Люблина. Там родился его сын Сергей и там же умерли его родители. После их смерти в 1921 году Ян и его семья переехали в Польшу. Сначала в течение года Ян работал в архивах Кельце, а затем в люблинских архивах. В Люблине он и решил осесть окончательно. Вскоре он получил польское гражданство. В качестве сотрудника архива Ян имел дело с книгами главы местной общины и ратуши. В межвоенный период он опубликовал многочисленные материалы для люблинского словаря и исследования по исто-

рии города. Он организовывал, каталогизировал и индексировал городские описи. Намерение опубликовать большой труд с многочисленными источниками из городских книг и манускриптов не было полностью реализовано, но несмотря на это за выдающиеся заслуги в области изучения истории Люблина и Люблинского края он был награждён Золотым крестом за заслуги и получил денежный приз от городского совета Люблина. В 1938 году Ян вышел на пенсию.

Таисия и Ян Рябинины.

Из: http://www.muzeumlubelskie.pl/Aktualnosci_Muzeum_Historii_Miasta_Lublina/_O_LUBELSKIEJ_RODZINIE_RIABININOW-2-893-23.html

Ян Сергеевич жил со своей семьёй в многоквартирном доме на сегодняшней улице Злота 3, унаследованном от своих родителей. В этом же доме он провёл свои последние годы. Ян Рябинин умер 20 июля 1942 года и оставил после себя многочисленные публикации о Люблине и Люблинском воеводстве. Вместе со своими коллегами-архивариусами (Леоном Бялковским и Александром Коссовским) он также редактировал наиболее важные исторические источники, касающиеся гильдий Люблина, неверных, городского совета, главы сельского совета и мэрии. К концу жизни Ян Сергеевич стал широко признанным пропагандистом не только истории Люблина, но и люблинских архивов и сокровищ польской культуры, хранящихся там.

У Яна с Таисией было двое детей: дочь Евдокия и сын Сергей.

Старшая сестра нашего героя Евдокия Рябининой родилась 31 марта 1915 года в Москве. Она изучала романтизм и педагогику в Люблинском университете, а затем продолжила образование в университете Яна Казимежа во Львове. В конце 1930-х годов она на студенческую стипендию провела несколько месяцев в Безансоне во Франции. Во Львове она встретила своего будущего мужа Владимира Киселёва и там

вышла за него замуж. Вместе они пережили войну во Львове. В 1945 году она переехала со своей семьёй в Гливицу, а затем некоторое время жила в Горлицах. После войны она работала учителем французского и русского языка в Гливицах – сначала в старших классах, а затем до пенсии в техникуме Министерства связи. Она организовала и провела курсы методологии преподавания русского языка, которые широко известны в Катовицкой провинции. Она умерла в 1983 году и похоронена в Люблине. У них с Владимиром было трое детей: Ян, Павел и Мария.

И, наконец, внук Сергея Фроловича и сын Яна Сергеевича Сергей (Сергиуш по-польски) Янович Рябинин родился 25 декабря 1918 года в Мариуполе на Украине. В 1936 году он начал учиться в университете имени Яна Казимежа во Львове, но война помешала ему закончить учёбу. В военные годы, чтобы выжить, ему пришлось участвовать в различных оплачиваемых мероприятиях, в том числе преподавать фортепиано и сотрудничать с Сельскохозяйственной палатой в Люблине. Все эти годы он также самостоятельно изучал естественные науки. Наконец, в 1945 году он получил степень магистра философии в зоологии со сравнительной анатомией в Университете Марии Кюри-Склодовской в Люблине. В первые годы после войны он работал в университете Адама Мицкевича в Познани. Как известно, Познань по результатам войны отошла от Германии к Польше и в ней было проще найти работу.

В 1949 году Рябинин защитил кандидатскую диссертацию в области естественных наук в Познанском университете, а с 1950 года продолжил свою научную работу в качестве штатного сотрудника в Университете Марии Кюри-Склодовской (UMCS). Несмотря на это, он оставался аспирантом в Познани. Учёную степень доктора наук С.Я.Рябинин получил также в Познанском университете в 1960 году.

С 1955 года Сергей стал сотрудником Польской Академии наук и одним из основателей Департамента охраны природы в Люблинском филиале. В 1960-х годах он инициировал создание отдела охраны природы и фенологии при Университете Марии Кюри-Склодовской. Как создатель нового подразделения, Сергей в 1962 году стал его руководителем и занимал эту должность с коротким перерывом до 1987 года. Он также был заведующим кафедрой систематической зоологии и заместителем декана факультета биологии и наук о Земле.

Сергей Рябинин стал теоретическим и методологическим создателем современной фенологии, в которую ввёл новые концепции. Своими усилиями он добился того, что фенология приобрела статус самостоятельной отдельной науки. Особенно интересной темой, затронутой Сергеем Рябининым, стали фенологические исследования, организованные в польских национальных парках. Он проводил исследования в области зоофенологии и охраны природы, в основном в отношении

птиц и мигрирующих насекомых. С.Рябинин разработал такие новые методы исследования сезонных ритмов биоценозов и ландшафтов, как фенологические разрезы, фенологические хорды и группы изофенов. Эти методы, позволяющие изучать природную среду на уровне биоценозов и экосистем, считаются новаторскими.

С 1951 года Сергей Рябинин проводил исследования по авифауне в городе Люблине. В 1960-е годы он опубликовал целую серию научных статей о птицах Польши и Люблинского края:

- Рябинин С. 1962. Биоценотические проблемы фенологии птиц // *Материалы 3-й Всесоюз. орнитол. конф.* Львов, 2: 171-172.
- Рябинин С. 1964. Биоценотические проблемы фенологии птиц // *Проблемы орнитологии.* Львов: 180-184.
- Riabinin S. 1961. Studia nad przylotami ptakow chronionych z rodzaju *Phylloscopus* i *Sylvia* [Изучение прилёта охраняемых птиц родов *Phylloscopus* и *Sylvia*] // *Ochr. Przyr.* 27: 193-211.
- Rabinin S. 1962. Badania nad ptakami Polesia Lubelskiego [Исследования по птицам Люблинского Полесья] // *Ann. Univ. M.C.S., Lublin, Sect. C* 17, 7: 229-257.
- Riabinin S. 1963. Materiały do fauny ptaków Polesia Lubelskiego [Материалы для животного мира Люблинского Полесья] // *Ann. Univ. M.C.S., Lublin, Sect. C* 18, 11: 231-248.
- Riabinin S. 1963a. Ptaki gospodarstwa rybackiego w Tarnawatce (pow. Tomaszów Lubelski) w latach 1959-1961. [Птицы рыбацкой фермы в Тарнаватке (Томашув Люблинский повят) в 1959-1961 гг] // *Prz. Zool.* 7, 2: 259-264.
- Riabinin S. 1967. *Skrzydłacy mieszkancy Lubelszczyzny* [Крылатые жители Люблинского края]. Kalendarz Lubelski. Lublin.

Как видно из этого списка, в 1962 году С.Рябинин принял участие в Третьей Всесоюзной орнитологической конференции, проходившей 11-17 сентября того года во Львове.

Дополнительным доказательством его интереса к птицам является стилизованное изображение аиста (журавля) на экслибрисе, многократно воспроизведённом в его огромной личной библиотеке.

Экслибрис Сергеуша Рябинина, разработанный Збигневом Йозвиком в 1971 году.
Из: <http://art-exlibris.net/exlibris/5012>

Сергей и Данута Рябинины.

Из: http://www.muzeumlubelskie.pl/Aktualnosci_Muzeum_Historii_Miasta_Lublina_/O_LUBELSKIEJ_RODZINIE_RIABININOW-2-893-23.html

Занимая прочную позицию в научном мире, в 1974 году Сергиуш Рябинин начал преподавать в Люблинском католическом университете. Любопытно, что он всю жизнь был православным человеком, но это обстоятельство не помешало ему занять такой пост.

Рябинин также нёс многие общественные нагрузки и занимал престижные должности. Он был председателем Люблинского отделения Польского энтомологического общества и председателем регионального совета Лиги охраны природы. Вместе со своей женой Данутой он занимался популяризацией природных туров среди слепых людей.

Сергей вышел на пенсию в 1989 году, разменяв восьмой десяток лет. Как и его отец Ян, он написал несколько томов стихов на польском языке (которым владел в совершенстве), в основном на религиозные и природоохранные темы. В 1993 году его эпиграммы, посвящённые науке и учёным, вышли отдельным томом под названием «Не пишите пан эпиграммы...» с иллюстрациями Збигнева Йогвика. Сергиуш Рябинин является автором более семидесяти стихов, очерков и размышлений на религиозные и природные темы, напечатанных в журналах в виде отдельных произведений и около десятка томов стихов, многие из которых написаны, следуя францисканской традиции, полные гуманизма и миссионерства.

За свою образцовую научную и общественную деятельность Сергей Рябинин был награждён в 1973 году «Золотым Крестом за Заслуги», в 1983 году «Рыцарский крестом ордена Полонии Реститута» и в 1987 году – медалью за «Заслуги перед Люблинским краем».

Сергей Иванович Рябинин умер бездетным 20 июня 1997 года и похоронен на православном кладбище на Липовой улице в Люблине.

Жена Сергея Яновича Данута Рябинина (в девичестве Podobieńska) (1921-2015) была на три года моложе мужа и родилась 6 декабря 1921 года во Фрамполе – маленьком городишке недалеко от Люблина. Она выпускница лицея «Люблинский союз». После учёбы в Познанском университете, где в 1949 году она получила степень магистра инженерных наук в области сельского хозяйства, Данута начиная с 1951 года работала в различных научных учреждениях Люблина. Вместе со своим мужем Сергиушем она проводила фенологические исследования в составе отдела охраны природы местного университета. Вдвоём они разработали типологию польских фенологических сред. Данута была пропагандистом реабилитации слепых людей с помощью экскурсий в природу и изучала дидактическую роль природы в жизни инвалидов, особенно с нарушениями зрения. После смерти мужа Данута Рябинина поселилась в Чехове – пригороде Люблина.

Дом в Люблине (улица Злота, 3), где жили три поколения Рябининых.

Незадолго до своей смерти Сергиуш Рябинин подарил общественности города Люблина семейный многоквартирный дом на улице Злота в Люблине. Теперь в этом доме находится Литературный музей имени Юзефа Чеховича – филиал Люблинского музея.

Открытие выставки в 2012 году в доме Яна (слева) и Сергиуша Рябининых, подаренном городу. Из: <http://fotoforum.gazeta.pl/72,2,734,133203283,133499873.html>

В 2012 году на доме, где проживали более века три поколения Рябининых, была уставлена мемориальная доска и открыта выставка, посвящённая этой удивительной семье. Прошло более 20 лет со дня его смерти, но пока так и не появилось о них ни одной книги. Ждём с нетерпением...

Учебники и научные труды супругов Рябининых

- Obserwacje nad ptakami zadrzewień śródpolnych i pól śródleśnych Wandzina [Наблюдения за птицами и среднеспелыми лесными полями Wandzin]. 1958. Warszawa.
- Wyniki obserwacji nad fenologią owadów, ptaków i roślin [Результаты наблюдений по фенологии насекомых, птиц и растений]. 1958. Warszawa.
- W sprawie badań fenologicznych w polskich parkach narodowych [Что касается фенологических исследований в польских национальных парках] 1962 // *Chrońmy Przyrodę Ojczystą* 1.
- Badania nad fenologią przyrodniczych środowisk Polski [Исследования по фенологии польских природных сред]. 1971 // *Annales UMCS. Sect. B* 25, 10.
- Wytyczne do prowadzenia badań fenologicznych w polskich parkach narodowych [Руководство по проведению фенологических исследований в польских национальных парках]. 1973 // *Chrońmy Przyrodę Ojczystą* 5.
- Miasto, teren szkolnych wycieczek biologicznych: przewodnik terenowy [Город, район школьных биологических туров: полевой гид]. 1975. Warszawa (совместно с Данутой Рябининой).
- Badania nad fenologią biocenoz górskich [Исследования по фенологии горных биоценозов]. 1972 // *Annales UMCS. Sect. B* 27, 11.
- Badania nad fenologią biocenoz górskich [Исследования по фенологии горных биоценозов]. 1973 // *Annales UMCS. Sect. B* 28, 13.
- Badania nad fenologią biocenoz górskich [Исследования по фенологии горных биоценозов]. 1980 // *Annales UMCS. Sect. B* 35, 17.
- Badania nad fenologią biocenoz górskich [Исследования по фенологии горных биоценозов]. 1982 // *Annales UMCS. Sect. B* 37, 14 (частично вместе с Данутой Рябининой).

- Znaczenie badań nad fenologią biocenoz górskich dla bioklimatologii [Важность исследования фенологии горного биоценоза для биоклиматологии]. 1981 // *Problemy Uzdrowiskowe* 1-4.
- Szkolne wycieczki przyrodnicze dla niewidomych: przewodnik terenowy [Школьные поездки на природу для слепых: экскурсовод]. 1983. Warszawa (совместно с Малгожатой Олеарник и Данутой Рябининой).
- Poznajemy żywą przyrodę: propozycje wybranych dydaktycznych zajęć terenowych z zakresu biologii środowiskowej [Мы знакомимся с живой природой: предложения отобранного полевого преподавания в области биологии окружающей среды]. 1989. Lublin (совместно с Малгожатой Олеарник и Данутой Рябининой).
- Sezonowe rytmy przyrody (w terminologii przyrodnika-fenologa Sergiusza Riabinina i ujęciu przyrodnika-grafika Zbigniewa Józwika) [Сезонные ритмы природы (в терминологии натуралиста-фенолога Сергиуша Рябинина и в подходе натуралист-графика художника Збигнева Йозвика)]. 1989. Lublin (альбом).

Л и т е р а т у р а

- Beiger M. 1998. Wspomnienie o Docencie dr. hab. Sergiuszu Riabininie (1918-1997) // *Przegląd Zoologiczny* 3/4: 197-200.
- Gawłowska J. 1998. Sergiusz Riabinin, przyrodnik i humanista (1918-1997) // *Chrońmy Przyrodę Ojczystą: organ Państwowej Rady Ochrony Przyrody* 5: 50-53.
- Jóźwik Z. 2015. Przyroda w twórczości literackiej Wincentego Pola w świetle koncepcji Sergiusza Riabinina // *Obrazy natury i kultura: studia o Wincentym Polu*: 403-412.
- Jóźwik Z. 2014. Z rodowodu Sergiusza Riabinina // *Roczniki Humanistyczne* 62, 7: 91-98.
- Skuratowicz W. 1988. W 70 rocznicę urodzin Sergiusza Riabinina // *Annales UMCS Sect. C* 43.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1832: 4711-4713

Залёт короткохвостого поморника *Stercorarius parasiticus* на Шульбинское водохранилище в Восточно-Казахстанской области

Н.Н.Березовиков

Николай Николаевич Березовиков. Институт зоологии, Министерство образования и науки. Проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 28 сентября 2019

На Шульбинском водохранилище, расположенном на реке Иртыш между городами Семей (Семипалатинск) и Усть-Каменогорск, 31 августа 2011 подобран подранок короткохвостого поморника *Stercorarius parasiticus*, оказавшийся молодой птицей тёмной морфы (рис. 1, 2). При определении его видовой принадлежности птицы по фотографии были определённые сложности, однако мелкие размеры птицы, свободно уместившейся в ладони человека, позволяют отнести его к короткохвостому поморнику. В пользу этого вида свидетельствует также и хорошо различимая серо-голубая окраска клюва с чёрным концом.

Рис. 1. Шульбинское водохранилище на Иртыше. 7 августа 2012. Фото Н.Н.Березовикова.

Рис. 2. Молодой короткохвостый поморник *Stercorarius parasiticus* тёмной морфы. Шульбинское водохранилище. 31 августа 2011. Фото А.Филимонова.

Ранее короткохвостых поморников *Stercorarius parasiticus* в Восточно-Казахстанской области не отмечали, хотя известны неоднократные встречи с ним в северных, центральных, южных и западных регионах Казахстана, особенно часто на Каспийском море (Зарудный 1916; Залетаев 1953; Долгушин 1962; Шевченко и др. 1993; Gavrilov, Gavrilov 2005; Тимошенко 2009; Карпов, Мищенко 2013; Губин 2015; Кошкин 2017; Кондратенко 2019). Из всех видов поморников короткохвостый в Казахстане встречается чаще других.

Выражаю признательность Н.Н.Балацкому, А.В.Коваленко, С.П.Пасхальному, И.И. Уколову за консультации при обсуждении видовой принадлежности, а А.Филимонову – за предоставленную фотографию.

Л и т е р а т у р а

- Гладков Н.А., Залетаев В.С. 1956. О фауне птиц Мангышлака и Мангистауских островов // *Тр. Ин-та биол. АН ТуркмССР*. Сер. зоол. 4: 120-164.
- Губин Б.М. 2015. *Птицы пустынь Казахстана. Птицы Мангышлака, Устюрта и полуострова Бузачи*. Алматы, 1, 1: 3-261.
- Долгушин И.А. 1962. Отряд чайки – Lariformes // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 2: 246-327.
- Залетаев В.С. (1953) 2016. Короткохвостый поморник *Stercorarius parasiticus* на Каспийском море // *Рус. орнитол. журн.* 25 (1320): 2892-2893.
- Зарудный Н.А. 1916. Птицы Аральского моря // *Изв. Туркест. отд. Рус. геогр. общ-ва* 12, 1: 1-229.
- Карпов Ф.Ф., Мищенко В.П. 2013. Короткохвостый поморник в казахстанской части Каспийского моря // *Научно-методические основы составления гос. кадастра животного мира Республики Казахстан и сопредельных стран*. Алматы: 256-258.
- Кондратенко Г.С. 2019. Встречи некоторых видов птиц на Северо-Восточном Каспии (по данным судовых наблюдений) // *Рус. орнитол. журн.* 28 (1715): 27-34.
- Кошкин А.В. 2017. Орнитофауна Тениз-Коргалжынского региона (Центральный Казахстан) // *Рус. орнитол. журн.* 26 (1415): 909-956.
- Тимошенко А.Ю. 2009. Новый залёт короткохвостого поморника *Stercorarius parasiticus* в Наурзумский заповедник // *Рус. орнитол. журн.* 18 (518): 1797-1798.
- Шевченко В.Л., Дебело П.В., Гаврилов Э.И., Наглов В.А., Федосенко А.К. 1993. Об орнитофауне Волжско-Уральского междуречья // *Фауна и биология птиц Казахстана*. Алматы: 7-103.
- Gavrilov E.I., Gavrilov A.E. 2005. The Birds of Kazakhstan // *Tethys ornithological research* 2: 1-226.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1832: 4713-4715

Сентябрьская встреча белолобых гусей *Anser albifrons* в окрестностях города Семей (Семипалатинск)

Н.Н.Березовиков, А.С.Фельдман

Николай Николаевич Березовиков. Институт зоологии, Министерство образования и науки.

Проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: berezovikov_n@mail

Александр Сергеевич Фельдман. КГУ средняя общеобразовательная школа № 28.

Ул. Б.Момышулы, д. 57, г. Семей, Восточно-Казахстанская область, 071400, Казахстан.

E-mail: parafe@mail.ru

Поступила в редакцию 28 сентября 2019

В Восточно-Казахстанской области после длительного перерыва с 2011 года в долинах Иртыша и Бухтармы во время миграций вновь стали встречаться белолобые гуси *Anser albifrons*, причём они уже не-

сколько раз наблюдались в ноябре и декабре (Березовиков 2013; Березовиков, Габдуллина 2017; Фельдман, Березовиков 2018; Стариков 2019).

Белолобые гуси *Anser albifrons*. Озеро Кереванколь. 18 сентября 2019. Фото А.С.Фельдмана.

Новая встреча с белолобыми гусями осенью 2019 года произошла в Семипалатинском Прииртышье на степном левобережье Иртыша южнее города Семей (Семипалатинск). Во время посещения 18 сентября 2019 озера Кереванколь (50°10' с.ш., 80°44' в.д.), расположенного в долине нижнего течения реки Чар между горами Дельбегетей и Семейтау, была отмечена отдыхающая на воде стая из 9 белолобых гусей, состоящая из взрослых и молодых птиц (см. рисунок).

Озеро Кереванколь, где держались гуси, солёное, окружено заболоченными тростниками. Вокруг озера простирается всхолмлённая типчаково-полынная степь с порослью спиреи, караганы и ферулы. Охотники бывают на озере редко, так как к нему из-за болотистых берегов трудно подъехать и подойти.

Эта встреча важна в фенологическом плане, так как характеризует сроки осеннего появления белолобых гусей на востоке Казахстана. Ранее в окрестностях Семипалатинска их отмечали 15 сентября 1923 и 7 октября 1927 (Селевин 1930), в Усть-Каменогорске – 11 октября 2018 (Фельдман, Березовиков 2018). В северной половине Казахстана они чаще всего появляются в первой-второй декадах сентября, хотя основная миграционная волна проходит, как правило, в третьей декаде сентября – первой половине октября (Ерохов и др. 2000; Грачёв, Березовиков 2005; Ерохов 2012).

Представляет интерес эта встреча и тем, что является ещё одним фактом, подтверждающим происходящий процесс восстановления белолобыми гусями ранее утраченного пролётного пути вверх по Иртышу в Центральную Азию. Вначале их появления в бассейне Верхнего Иртыша воспринимались как случайные залёты, теперь же можно с уверенностью говорить о том, что это целенаправленная тенденция. Похожая картина наблюдается сейчас и у гуменника *Anser fabalis*, численность которого в период миграций заметно возросла в последнем десятилетии в долинах рек Иртыш и Бухтарма.

Л и т е р а т у р а

- Березовиков Н.Н. 2013. Зимняя встреча белолобого гуся *Anser albifrons* на Иртыше в Усть-Каменогорске // *Рус. орнитол. журн.* **22** (853): 584-586.
- Березовиков Н.Н., Габдуллина А.У. 2017. Осенне-зимний залёт белолобых гусей *Anser albifrons* в Бухтарминскую долину на Южном Алтае // *Рус. орнитол. журн.* **26** (1416): 982-985.
- Грачёв В.А., Березовиков Н.Н. 2005. Материалы к орнитофауне Убаган-Ишимского междуречья // *Рус. орнитол. журн.* **14** (294): 651-676.
- Ерохов С.Н. 2012. Род Гусь – *Anser* // *Фауна Казахстана. Птицы – Aves*. Алматы, **2**, 1: 182-207.
- Ерохов С.Н., Березовиков Н.Н., Келломяки Э.Н., Рипати Н.Л. 2000. Пискулька и сопутствующие ей виды гусей в Казахстане в период миграций // *Казарка* **6**: 121-159.
- Селевин В.А. 1930. Сводка семилетних (1921-1927 гг.) фенологических наблюдений в окрестностях Семипалатинска // *Вестн. Центрального музея Казахстана* **1**: 31-54.
- Стариков С.В. 2019. Зимняя встреча стаи белолобых гусей *Anser albifrons* в предгорьях Западного Алтая около Усть-Каменогорска // *Рус. орнитол. журн.* **28** (1821): 4297-4299.
- Фельдман А.С., Березовиков Н.Н. 2018. Осенняя встреча белолобых гусей *Anser albifrons* в Семипалатинском Прииртышье // *Рус. орнитол. журн.* **27** (1694): 5553-5554.

Влияние изменений в сельском хозяйстве и климате на чибиса *Vanellus vanellus*, травника *Tringa totanus*, поручейника *Tringa stagnatilis* и бекаса *Gallinago gallinago* в Виноградовской пойме (Московская область)

А.Л.Мищенко, О.В.Суханова

Второе издание. Первая публикация в 2016*

Виноградовская пойма очень интересна для мониторинга численности гнездящихся куликов, так как здесь в течение довольно короткого промежутка времени (примерно за 15 лет, 1986-2000) произошла быстрая деградация сельского хозяйства, до почти полного прекращения использования земель. Одновременно в период с середины 1980-х годов до настоящего времени в результате сухой и тёплой климатической фазы в пойме (как и в Центральной России в целом) наблюдается заметное уменьшение уровня весенних паводков. В этой статье мы постарались показать влияние и взаимодействие депрессии сельского хозяйства и уменьшения интенсивности паводков на гнездовые популяции четырёх видов куликов в Виноградовской пойме. Эта территория является хорошим примером для понимания современной ситуации с куликами, поскольку происходящие на ней процессы во многом типичны для пойменных угодий лесной зоны европейской части России.

Характеристика района работы

Виноградовская пойма (55°23' с.ш., 38°35' в.д., площадь ~50 км²) расположена в Воскресенском районе Московской области, в устье реки Нерской при её впадении в реку Москву, примерно в 70 км к юго-востоку от Москвы. Территория представлена мозаикой пойменных лугов с сетью дренажных канав, местами заболоченных и закустаренных, низинных болот, небольших пойменных озёр и стариц. Почти вся пойма заливается весенним половодьем, обычно со второй декады апреля до начала мая. После паводка вода подолгу остаётся в понижениях рельефа, формируя небольшие временные водоёмы и лужи.

До середины 1990-х годов благоприятные условия для гнездования куликов здесь были обусловлены традиционной для пойменных угодий сельскохозяйственной деятельностью. В начале 1980-х годов прак-

* Мищенко А.Л., Суханова О.В. 2016. Влияние изменений в сельском хозяйстве и климате на четыре вида куликов в Виноградовской пойме (Московская область) // *Вопросы экологии, миграции и охраны куликов Северной Евразии*. Иваново: 258-264.

тически вся территория поймы (кроме сильно заболоченных участков) использовалась в сельскохозяйственных целях: около половины площади – для сенокоса, четверть территории – для выпаса крупного рогатого скота и для выращивания кукурузы и овощей. К началу XXI века выпас скота и использование пашни прекратились полностью. Сенокос в настоящее время производится только на 4-17% территории в разные годы. Прогрессирующее зарастание заброшенных сенокосных лугов и пастбищ высокой густой травой и кустарником, с образованием плотной «подушки» из нескошенных трав, стало одним из главных факторов, негативно влияющих на куликов. Последствием прекращения сенокосов и выпаса стали также широкомасштабные палы.

С середины 1980-х до начала 2000-х годов в Виноградовской пойме было отмечено значительное уменьшение среднегодовой интенсивности весенних паводков. Снижение уровня и площади весенних разливов привело к существенному уменьшению площади временно затопленных земель и в сочетании с разрушением дренажной системы – к интенсивному зарастанию берегов пойменных озёр околотовной растительностью, что значительно ухудшило кормовые и гнездовые условия для куликов, а также условия для выращивания ими выводков. Следует заметить, что несмотря на уменьшение среднегодового уровня паводков, на многих участках бывших пойменных лугов происходит процесс активного заболачивания, как следствие зарастания и прекращения функционирования системы дренажных канав.

Материал и методы

Исследования в Виноградовской пойме проводились в 2002-2014 годах. На площади 50 км² проводились учёты территориальных куликов во всех местах, потенциально пригодных для гнездования, несколько раз в гнездовой сезон, с конца апреля до начала июня. Все гнездовые участки картировались с использованием GPS. Для определения динамики численности гнездящихся куликов мы сравнивали результаты собственных работ с опубликованными материалами по их численности в пойме в первой половине 1980-х и в 1995-1996 годах (Зубакин и др. 1988; Свиридова и др., 1998). Интенсивность паводков определялась в баллах, которые вычислялись как сумма отдельных баллов для максимального уровня, сроков и продолжительности паводка для каждого года, на основании данных кафедры гидрологии суши географического факультета Московского университета по Фаустовскому гидроузлу и собственных наблюдений в Виноградовской пойме. Для оценки взаимосвязи между количеством гнездящихся куликов и интенсивностью весенних паводков был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты

Чибис *Vanellus vanellus*. Многочисленный гнездящийся вид. Его численность в 1983 году была оценена в 1500 пар (Зубакин и др. 1988). В 1980-х годах чибис в пойме населял самый широкий спектр биотопов среди куликов, предпочитая пастбища и пашню. Плотность населения

чибиса на сенокосных лугах в те годы была существенно ниже. После прекращения использования пахотных земель и пастбищ численность чибиса резко сократилась (рис. 1), но видна позитивная реакция этого кулика на высокие паводки, наблюдавшиеся в 2005, 2007 и 2012 годах, однако корреляция между численностью чибиса и интенсивностью паводков статистически незначима.

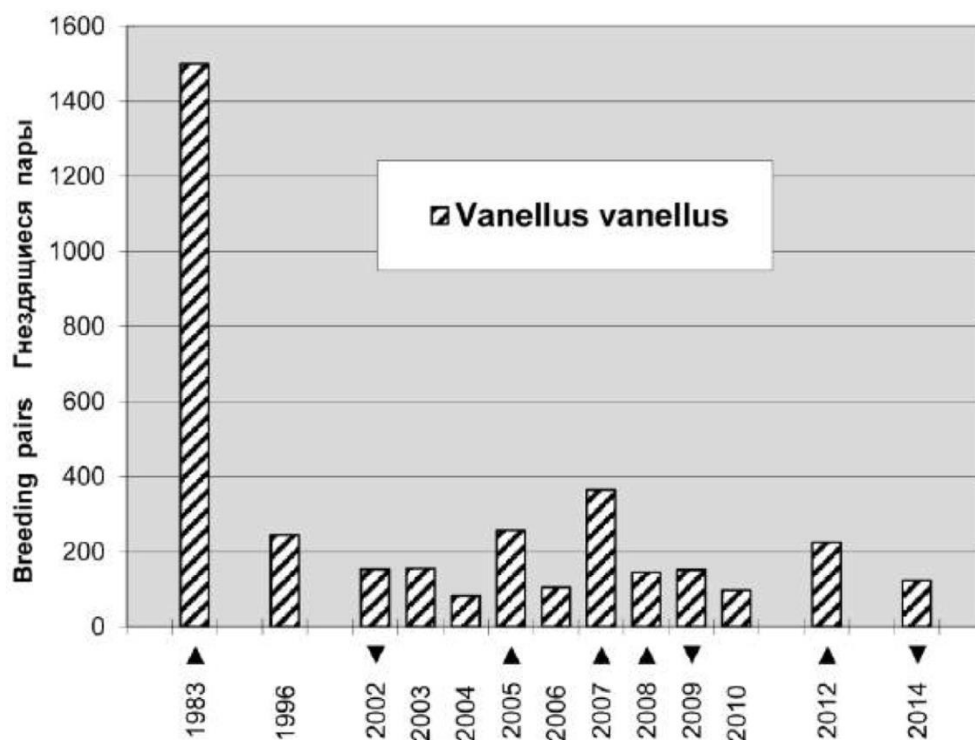

Рис. 1. Динамика численности чибиса.

▲ — годы с высоким паводком; ▼ — годы с низким паводком.

Современная численность чибиса в пойме не превышает 370 пар даже в наиболее благоприятные годы. Наименьшее количество было в 2004 году — 83 пары. В настоящее время этот кулик гнездится на заброшенных лугах, выбирая места с негустой и невысокой травой. Чибис охотно гнездится также в местах, где сухая трава выжжена ранним весенним палом и на полёгшем «ковре» сухой прошлогодней растительности, примятой сильным паводком.

Травник *Tringa totanus*. Численность в 1983 году составляла 50-55 пар. Основными гнездовыми биотопами были сырые пастбища, включая заочкаренные участки, и кочковатые осоковые болотца. Довольно обычным для травника было гнездование на сырых полях. На лугах средней степени увлажнённости вид гнезвился реже (Зубакин и др. 1988). После прекращения сельскохозяйственной деятельности в результате сокращения площади и деградации гнездовых биотопов численность травника существенно снизилась. В современных условиях основными его гнездовыми биотопами являются луговые участки с разреженной низкой растительностью, формируемые половодьем, рас-

положенные близ временно залитых низин. Численность травника в 2002-2014 годах флуктуировала от 5 до 33 гнездящихся пар в разные годы (рис. 2). Корреляция между количеством гнездящихся пар и интенсивностью паводков незначима. Большее количество гнездящихся пар наблюдалось в годы с интенсивными паводками (2005, 2007, 2008 и 2012), но, тем не менее, самой высокой численность была в 2014 году, когда паводка в пойме не было.

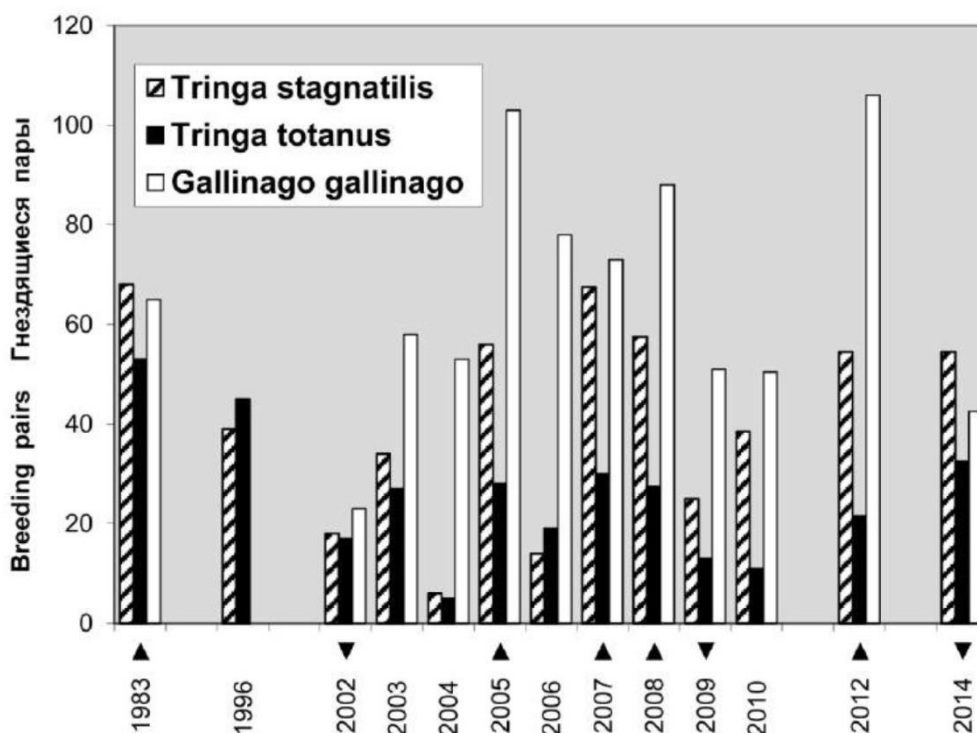

Рис.2. Динамика численности травника, поручейника и бекаса.
▲ — годы с высоким паводком; ▼ — годы с низким паводком.

Поручейник *Tringa stagnatilis*. Численность в 1983 году составляла 65-70 пар. Поручейник предпочитал гнездиться на сухих и средних по увлажнённости, не заочкаренных луговых участках, используемых для выпаса или сенокоса (Зубакин и др. 1988). В отличие от травника, у поручейника не отмечено снижение численности: в 2002-2014 годах количество гнездящихся пар этого вида достигало 55-68 пар (рис. 2). Для него характерны колебания численности, зависящие от уровня паводков. Отмечена значимая положительная корреляция между численностью этого кулика и интенсивностью паводков ($R_s = 0.575$; $P = 0.040$; $n = 13$). Гнездовыми биотопами поручейнику в настоящее время служат неиспользуемые луга или участки, на которых проводится сенокос, гнёзда располагаются в сухих местах недалеко от воды.

Бекас *Gallinago gallinago*. В 1983 году на территории поймы было отмечено 66 токующих самцов. Основными гнездовыми биотопами в начале 1980-х годов служили сырые, заочкаренные щучкой дернистой участки заливных лугов и осоково-двуклосточниковые болота (Зубакин

и др. 1988). В настоящее время бекас использует для гнездования сырые, заочкаренные осоками, участки на заброшенных лугах и низинные болота, значительно реже – участки, используемые для сенокоса. Современная численность превышает таковую в 1983 году. В годы с высокими паводками она выше в 1.6 раза: учтено 103 токующих самца в 2005 году и 106 – в 2012. Необходимо заметить, что паводок в 1983 году был очень высоким. Для этого кулика характерны сильные флуктуации численности, зависящие от уровня паводка (рис. 2). Отмечена значимая положительная корреляция между численностью бекаса и интенсивностью паводков ($R_s = 0.776$; $P = 0.003$; $n = 12$).

Обсуждение

Площадь пашен, одного из двух основных гнездовых биотопов чибиса в пойме, сильно сократилась уже к середине 1990-х годов (Свиридова и др. 1998), что, по-видимому, стало причиной сильного снижения численности этого вида. Заращение пастбищ – второго из двух основных биотопов – после прекращения выпаса, а также бывших сенокосных лугов привело к дальнейшему спаду численности. В годы с высоким паводком количество гнездящихся чибисов возрастает благодаря увеличению площади пригодных для гнездования мест, формируемых половодьем. Следует заметить, что численность вида в 2005 и 2012 годах была приблизительно такой же, как в менее благоприятном 1996 году с довольно низким паводком. Это можно объяснить большей площадью гнездопригодных биотопов в 1996 году, когда сельское хозяйство в пойме ещё не достигло такого упадка, как в 2000-е годы.

Численность травника в пойме не претерпела заметного снижения на первой стадии депрессии сельского хозяйства в 1996 году. Условия для его гнездования к этому времени стали лучше благодаря снижению пастбищной нагрузки. Возможно, несколько более низкую численность травника в 1996 по сравнению с 1983 годом можно объяснить довольно низким паводком. Однако в последующие годы прогрессирующая растительная сукцессия на полностью заброшенных пастбищах привела к заметному снижению численности вида.

Основным гнездовым биотопом поручейника в Виноградовской пойме в современных условиях являются сухие, обычно слегка возвышенные луговые участки, расположенные рядом с озёрами и низинными болотцами. Этот кулик может использовать для гнездования даже незначительные по площади «проплешины» с низкой разреженной травой. Такие места формируются половодьем, очень ранними палами или же в результате массовых кормёжек гусей, многочисленных в Виноградовской пойме на пролёте. В годы с высокими паводками площадь гнездопригодных биотопов поручейника существенно возрастает (в том числе и за счёт более концентрированных кормёжек гусей) и

численность вида сильно увеличивается. Таким образом, поручейник смог приспособиться к гнездованию на заброшенных лугах, что обусловило стабильную численность в период с 1983 по 2014 год, несмотря на сильные годовые флуктуации.

Травник и поручейник – лишь два вида из гнездящихся куликов, существенно увеличившие численность в 2014 году. Этот феномен объяснить довольно трудно, поскольку весной того года в пойме совершенно не было паводка и численность остальных видов куликов была низкой. Особенностью весны 2014 года были очень ранние палы, прекратившиеся в пойме к 10 апреля. Это было слишком поздно для успешного гнездования чибиса (часть кладок которого, вероятно, погибла при палах), но дало возможность молодой траве вырасти к концу апреля на значительной площади выгоревшей сухой травы. Такие участки были успешно заселены травником и поручейником. По-видимому, обилие пригодных для гнездования биотопов смогло компенсировать дефицит временных водоёмов и луж, количество которых лишь в небольшом количестве удалось поддержать за счёт закрытия шлюза в низовьях реки Нерской.

Бекас – единственный из куликов, чьи гнездовые биотопы не только не ухудшились в результате прекращения сельскохозяйственной деятельности в пойме, но даже стали лучше. Потеря некоторых мест гнездования за счёт чрезмерного зарастания высокой плотной травой и кустарниками была компенсирована увеличившейся площадью закоряченных сырых и заболоченных луговых участков, которые возникли в результате прекращения сенокосов и функционирования системы дренажных канав. Количество гнездящихся в пойме бекасов возросло по сравнению с началом 1980-х годов, несмотря на сильные годовые флуктуации.

Сравнение данных наших исследований в 2002-2014 годах с опубликованными данными по Виноградовской пойме для первой половины 1980-х и 1995-1996 годов (Зубакин и др. 1988; Свиридова и др. 1998) показали снижение численности двух видов куликов, гнездовые биотопы которых связаны с сельскохозяйственным использованием земель: чибиса и травника.

Чибис населяет различные типы сельхозугодий в лесной зоне европейской части России, достигая наиболее высокой плотности населения на полях озимых культур и закоряченных пастбищах (Lebedeva 1998). Потеря луговых местообитаний не оказалась драматичной для этого кулика, т.к. вне пойм всё ещё сохранились обширные площади полей, пригодных для его гнездования. Ситуация с травником иная. Луга, используемые для выпаса скота и сенокоса (в первую очередь пойменные) были основным гнездовым биотопом этого вида (Lebedeva 1998; Мищенко, Суханова 1998; Свиридова и др. 1998). В на-

стоящее время в результате широкомасштабной депрессии сельского хозяйства луга исчезли, у травника произошло пространственное перераспределение. Важными гнездовыми биотопами для этого вида на отдельных территориях в Нечернозёмном центре России стали сырые пашни, торфопеработки и поля фильтрации (Свиридова 2014).

После прекращения сельскохозяйственной деятельности основным фактором, определяющим тренды численности куликов в Виноградовской пойме, стала интенсивность весенних паводков. Высокие паводки частично компенсируют отсутствие выпаса, сенокосов и вспашки, формируя биотопы с низкой разреженной травой, благоприятные для гнездования чибиса, травника и поручейника. В годы с высокими паводками заметно возрастает также площадь сырых мест, благоприятных для гнездования бекаса. Но общее снижение интенсивности паводков вследствие климатических изменений ослабляет их «созидательное» значение для «куличинных» местообитаний. Слишком ранние высокие паводки с последующим быстрым спадом уровня воды не играют положительной роли, поскольку обычно сразу после схода паводковых вод в пойме происходят широкомасштабные палы. Самая низкая численность гнездящихся чибисов, поручейников и травников за период наших наблюдений наблюдалась в 2004 году, когда уровень паводковых вод упал на 2.7 м от максимальной отметки к 15 апреля, а сильные палы, охватившие большую часть поймы, прекратились только к середине мая.

Авторы выражают искреннюю благодарность организациям, поддержавшим исследования в разные годы: Администрации Воскресенского муниципального района Московской области, Российской программе Wetlands International, ONCFS, Фонду Манфреда Хермсена и NABU. Также мы благодарны В.А.Зубакину и С.П.Харитонову, принимавшим участие в полевых работах.

Л и т е р а т у р а

- Зубакин В.А., Морозов В.В., Харитонов С.П., Леонович В.В., Мищенко А.Л. 1988. Орнитофауна Виноградовской поймы (Московская область) // *Птицы осваиваемых территорий*. М.: 126-167.
- Мищенко А.Л., Суханова О.В. 1998. Гнездящиеся кулики Новгородской области // *Гнездящиеся кулики Восточной Европы – 2000*. М., 1: 28-38.
- Свиридова Т.В. 2014. Состояние редких видов куликов Нечерноземного центра России на рубеже XX и XXI столетий // *Редкие виды птиц Нечернозёмного центра России*. М.: 65-91.
- Свиридова Т.В., Зубакин В.А., Волков С.В., Конторщиков В.В. 1998. Гнездящиеся кулики Московской области // *Гнездящиеся кулики Восточной Европы – 2000*. М., 1: 34-41.
- Lebedeva E.A. 1998. Waders in agricultural habitats of European Russia // *Migration and international conservation of waders. Research and conservation on north Asian, African and European flyways* // *International Wader Studies* 10: 315-324.

История расселения и современное состояние японского бекаса *Gallinago hardwickii* на острове Сахалин

О.П.Вальчук, В.Н.Сотников,
С.Ф.Акуликин, К.С.Масловский

Второе издание. Первая публикация в 2016*

На фоне глобального снижения численности многих видов куликов Восточно-Азиатского Австралоазиатского пролётного пути (East Asian-Australasian flyway) судьба одного охраняемого вида не вызывает опасения. Более того, по мнению как многих специалистов-орнитологов, так и охотников, любителей природы и простых обывателей, требуется как минимум пересмотр статуса охраны, если не полное исключение этого вида из всех Красных списков. Речь идёт о японском бекасе *Gallinago hardwickii*, в последние двадцать лет стремительно расширяющем гнездовой ареал к северу на острове Сахалин. Для понимания значения этого процесса, влияющего на состояние вида в целом, необходимо знать, чем вызвано это расселение и что происходит в это же время в соседних частях ареала.

Вся мировая гнездовая популяция японского бекаса сосредоточена на довольно ограниченной территории восточной окраины Азии, вид гнездится на Японских и Южных Курильских островах, Сахалине и на прилегающем морском побережье материка, места зимовок расположены в восточных и юго-восточных районах Австралии (Brazil 2009; Нечаев, Гамова 2009; и др.).

В 1988 году японский бекас был внесён в Красный список МСОП со статусом NT (близкий к угрожаемому), основанием для этого послужили данные о снижении его численности на местах гнездования в Японии и на местах зимовок в Австралии. Одной из причин ухудшения состояния вида называют деградацию мест обитания, хотя исследования в этом направлении трактуются неоднозначно. Так, данные специальных учётов в Японии в начале 1980-х годов показали, что число гнездящихся пар японского бекаса на острове Хонсю за предшествующие 30 лет значительно уменьшилось, несмотря на то, что и на Хонсю, и на других южных островах – Сикоку и Кюсю – в это время не было недостатка в предпочитаемой видом естественной среде обитания. В

* Вальчук О.П., Сотников В.Н., Акуликин С.Ф., Масловский К.С. 2016. История расселения и современное состояние японского бекаса на острове Сахалин // *Вопросы экологии, миграции и охраны куликов Северной Евразии*. Иваново: 80-87.

это же время на Хоккайдо (данные учётов в долине реки Токачи) японский бекас был довольно обычным видом с общей оценкой гнездовой плотности около 2 пар на 400 га (Fujimaki, Skira 1984).

Влияние охоты, по-видимому, имело более существенные последствия. До 10 тыс. японских бекасов (в том числе 6 тыс. в штате Виктория и 1 тыс. в Тасмании), а также до 2 тыс. птиц в Японии ежегодно добывалось до запретов на охоту, которые были введены во всех государствах в период с 1976 по 1984 год (Watkins 1993). После запрещения охоты и придания виду статуса охраняемого, неоднократно отмечалось, что численность японских бекасов на зимовках в Австралии стабилизировалась (Naarding 1986).

В настоящее время японский бекас включён в Красные книги Российской Федерации, Японии и Азии, региональные красные книги российского Дальнего Востока. В Красном списке МСОП вид имеет критерий LC – вызывающий наименьшие опасения (с 1994 года), так как, несмотря на отмечавшееся в XX веке некоторое снижение численности, не имеет существенных отрицательных трендов. Площадь ареала также не позволяет считать вид уязвимым по критерию площади мест обитания, а национальные размеры гнездящихся популяций в России и Японии составляют, по оценке BirdLife International (2015), не менее 10 тыс. пар. Однако снижение численности гнездовой популяции в отдельных частях ареала продолжается.

Спустя более 20 лет после проведения первых исследований на острове Хоккайдо на тех же 38 маршрутах в долине реки Токачи и в те же календарные сроки были повторены учёты японского бекаса. Результаты исследований показали, что на 22 маршрутах (57.9%) количество учтённых птиц уменьшилось, на 11 (28.9%) увеличилось, а на 5 (13.2%) осталось прежним (Kitajima, Fujimaki 2003). За прошедшие 20 лет произошли изменения и в местообитаниях. Оказалось, что численность японских бекасов снизилась в чистых сельскохозяйственных и не изменилась или даже возросла в сельскохозяйственных местообитаниях, окружённых лесом, площади которых за прошедший период возросли. Средняя же численность вида на один маршрут (2 км) уменьшилась, по мнению авторов, значительно – с 3.5 ± 2.7 в 1978-1991 годах до 2.7 ± 3.0 в 2001 году. Таким образом, исследования вновь не подтвердили существование проблемы деградации и дефицита предпочитаемых видом местообитаний в японской части гнездового ареала вида.

Что же происходит с мировой численностью и состоянием японского бекаса на всем протяжении годового цикла? Данные о его миграционных маршрутах за пределами Японии и Австралии очень скудны. В Южной Корее это транзитный мигрант, регистрируемый обычно в апреле в количестве от 10 до 100 птиц в год (Moores *et al.* 2009), одиночные особи ежегодно отмечаются также на морских корейских островах

(Moore 2007). Из Корейской Народно-Демократической Республики данных о встречах вида нет (Tomk 1999). Эти данные, а также отсутствие зимовочных регистраций из других регионов (Watkins 1993) показывают, что японский бекас мигрирует непосредственно между местами размножения и Австралией, не совершая длительных миграционных остановок в пути (Watkins 1993). Поэтому любые оценки мировой численности вида должны быть практически эквивалентны численности японского бекаса в Австралии. По известным оценкам количество японских бекасов, ежегодно мигрирующих в Австралию, предположительно остаётся стабильным уже более 40 лет (Garnett, Crowley 2000), при этом локальные снижения числа мигрирующих японских бекасов в одних штатах компенсируются незначительным увеличением величины популяций в других (Naarding 1986).

Кроме того, были проанализированы индексы населения для куликов, мигрирующих весной и осенью Восточно-Азиатско-Австрало-азиатским маршрутом через Японию, выведенные из данных, собранных по всей Японии в 1975-2008 годах (Amano *et al.* 2010). Этот анализ показал, что среди 16 (из 42) видов куликов, существенно снизивших численность, нет японского бекаса, что также косвенно свидетельствует о стабильности его состояния.

В связи с этим вызывает интерес стремительное расселение и рост численности японского бекаса в северной части гнездовой части ареала на Сахалине. Если численность зимующей популяции более или менее стабильна и равна гнездовой, то откуда берётся резерв популяции для расселения и что означает это расселение?

Ранее было установлено, что колонизация Сахалина японским бекасом началась с полуострова Крильон не ранее 1950-х годов (Нечаев 1991). К моменту завершения В.А.Нечаевым полевых работ на Сахалине (1968-1989 годы) японский бекас достиг статуса малочисленного гнездящегося вида южной части острова, а северная граница его ареала на восточном побережье продвинулась до залива Терпения вблизи города Поронайска (Там же). Таким образом, примерно за 30-35 лет с момента вселения японский бекас освоил новые территории Сахалина примерно на 370 км к северу. В более поздних публикациях из-за отсутствия свежих полевых данных границы ареала японского бекаса на Сахалине приводились в тех же пределах (Нечаев 1998, 2001, 2005 и др.), а между тем ситуация развивалась, по-видимому, довольно динамично.

Исследования Амуро-Уссурийского центра биоразнообразия птиц на острове Сахалин начались летом 2000 года и до настоящего времени проводятся ежегодно по одному и тому же маршруту – от побережья залива Анива (близ города Корсакова) или от окрестностей Южно-Сахалинска и далее по восточному побережью и центральному Саха-

лину до заливов Астох и Пильтун, при этом северная часть маршрута остаётся ежегодно неизменной. В первой же экспедиции в июле 2000 года было обнаружено, что в южных районах Сахалина японский бекас является далеко не редким, а обычным и даже многочисленным видом, и эти данные уже не были чем-то неожиданным для местных орнитологов и охотоведов. В этом же сезоне токующие японские бекасы были отмечены нами на мелиоративных полях, представляющих собой зарастающие сенокосы, в междуречье Тыми и Малой Тыми (окрестности посёлков Тымовское, Красная Тымь, Берёзовая Поляна), что было на 180 км севернее известной границы распространения вида на острове у Поронайска.

В 2003 году японский бекас обнаружен не только ещё дальше к северу на лугах у посёлка Адо-Тымово (в 30 км от посёлка Тымовское), но и к северо-востоку, на большом расстоянии от сельскохозяйственных ландшафтов, в предгорьях Набильского хребта. Пять самцов токовали на старых вырубках в месте слияния рек Набиль и Правый Набиль (в 30 км от ближайших населённых пунктов Молодёжное и Адо-Тымово). Территория этого участка очень сильно нарушена: леса здесь подвергались многократным рубкам и были пройдены сильнейшими пожарами, функционирует лесовозная дорога, связывающая федеральную трассу и долину реки Пиленги с рекой Набиль, проложена трасса трубопровода проекта «Сахалин-2». Эти коридоры, вероятно, способствовали проникновению японского бекаса – вида, характерного для открытых пространств, через горные лесные массивы на небольшие луговины, возникшие в результате трансформации.

В 2005 году японские бекасы уже стабильно токовали в долинах рек Тымь и Пиленга у посёлка Адо-Тымово и в это же время впервые были обнаружены ниже по течению реки Тымь у посёлка Ныш (в 47 км к северу от Адо-Тымово. Здесь и далее к северу сельскохозяйственные ландшафты уже полностью отсутствуют, преобладают лиственные и темнохвойные леса и мареподобные открытые пространства.

В 2008 году два токующих самца японского бекаса впервые отмечены нами к востоку от посёлка Ныш в междуречье Вази и Набиля (35 км от посёлка Ныш). Лесные массивы здесь также рассекает коридор трассы трубопровода, в 6 км от междуречья находится завод ОБТК проекта «Сахалин-2», а в 10 км – Набильский залив. Со времени первой регистрации на этом участке ежегодно гнездится 2-3 пары японских бекасов.

В 2009 году две токующие птицы появились и в последующие годы закрепились в нивхском поселении Венское на Ныйском заливе (примерно в 50 км к северу от посёлка Ныш), численность гнездящихся пар здесь постепенно увеличивается. Люди, живущие в посёлке постоянно, подтверждают, что раньше этих птиц никогда не было. Кроме того, в 2010 году два токующих самца впервые появились на берегу Набиль-

ского залива в устье реки Гамадеш. И, наконец, в июне 2013 года два токующих японских бекаса отмечены над пустошами в посёлке Вал, что в 45 км севернее посёлка Венское.

В 2008 году одиночную птицу мы впервые наблюдали на охотском побережье северной косе залива Чайво – пока это самая северная (и северо-восточная) известная нам регистрация японского бекаса на Сахалине (Сотников и др. 2013). Один бекас держался здесь также в течение первой половины лета в 2012 и в 2014 годах, птицы неоднократно отмечались в тундре в коридоре трассы трубопровода, однако не токовали, скорее всего, это были не гнездящиеся одиночные особи. Таким образом, за 25 лет после выхода в свет исчерпывающей фаунистической монографии В.А.Нечаева «Птицы острова Сахалин» (1991) ареал японского бекаса на острове продвинулся к северу ещё на 370-380 км. В 2014 году мы обследовали окрестности города Оха и окрестности порта Москальво (западное побережье острова, Охинский район). Японского бекаса в этом районе не обнаружили, однако не исключаем, что при такой скорости продвижения по острову (около 15 км в год) очень скоро вид может появиться и здесь, а затем и далее у самой северной оконечности Сахалина. Хронология расселения и координаты новых пограничных точек гнездования показаны в таблице.

Хронология расселения японского бекаса на острове Сахалин

Год установления новой границы ареала	Географическое название места новой регистрации	Расстояние до предыдущей точки регистрации, км	Координаты точек регистраций
Продвижение границы ареала на север			
1990	г. Поронайск		49°13'N 143°05'E
2000	пос. Тымовское	180	50°50'N 142°39'E
2005	пос. Адо-Тымово	30	51°07'N 143°05'E
2005	пос. Ныш	47	51°32'N 142°46'E
2009	пос. Венское	50	51°56'N 143°06'E
2013	пос. Вал	45	52°20'N 143°03'E
2008, 2012, 2014	Залив Чайво	30	52°32'N 143°20'E
Продвижение границы ареала на восток и северо-восток			
2000	пос. Тымовское		50°50'N 142°39'E
2003	Река Набиль, предгорья Набильского хребта	58	51°06'N 143°01'E
2005	пос. Ныш		51°32'N 142°46'E
2008	Междуречье Вази–Набиль	35	51°26'N 143°14'E
2010	Устье реки Гамадеш, Набильский залив	10	51°31'N 143°06'E

Причины такого стремительного продвижения японского бекаса на север и одновременного роста его численности в южных и центральных районах Сахалина пока не выяснены. Возможно всему виной гло-

бальные климатические изменения, однако подтвердить это на данном этапе наших знаний не представляется возможным.

Поскольку, как уже было показано выше, текущее состояние японского бекаса в Японии постепенно ухудшается, а по впечатлениям с мест зимовок количество птиц этого вида, ежегодно мигрирующих в Австралию, предположительно остаётся стабильным уже более 40 лет, для объяснения экспансии и роста численности вида на острове Сахалин может быть предложена следующая гипотеза. Возможно, что у этого вида происходит постепенное смещение ареала на север, сопровождающееся вначале снижением численности, а затем и почти полным исчезновением в южных частях ареала, как это уже отмечается в Японии на острове Хонсю (Threatened Wildlife of Japan.... 2002). Подобная динамика ареала вида в настоящее время наблюдается и в материковой части Дальнего Востока, материал об этом в настоящее время анализируется и будет предметом следующего сообщения.

С определённой уверенностью можно назвать несколько факторов, бесспорно оказывающих влияние на высокий успех освоения видом новых территорий на острове Сахалин.

Начало активного расселения вида на острове совпало с началом острого кризиса в сельском хозяйстве Сахалинской области в начале 1990-х годов, когда были значительно сокращены посевные площади под картофелем и овощами, а также сократилось поголовье крупного рогатого скота. Эти события, в свою очередь, вызвали зарастание брошенных полей, сенокосов и пастбищ. Площади предпочитаемых местообитаний японского бекаса, соответственно, сильно увеличились.

Процессы расселения, несомненно, связаны и с другими видами антропогенной трансформации. Построенный трубопровод длиной около 800 км, соединивший северные (от заливов Чайво и Лунский) и южные (до залива Анива) районы острова после рекультивации почв и восстановления травянистой растительности, вероятно, уже служит не только дополнительным коридором для расселения вида в новые районы острова, но и предоставляет гнездовые местообитания для части расселяющихся особей. Это подтверждает мониторинг японского бекаса в окрестностях Завода по сжижению природного газа (СНГ), построенного по проекту «Сахалин-2» на берегу залива Анива. Снизивший численность в 500-метровой зоне вокруг строящегося завода в 2005 году до 22 токующих самцов, японский бекас начал быстро восстанавливаться на рекультивированных участках, где отмечено до 39 токующих самцов в 2008 году и более 100 токующих самцов в 2013 году (Зыков, Ревякина 2009; наши данные).

В настоящее время максимальная концентрация японских бекасов отмечена нами в бывших сельскохозяйственных угодьях южного Сахалина у посёлка Советское в долинах рек Ай, Сенная, Малая и Боль-

шая Подлесные, Янтарная и Кирпичная, а также в окрестностях завода СПГ у залива Анива. За годы наших исследований мы не отметили снижения численности вида в южных районах острова. По-видимому, в настоящее время здесь находится центр островной части ареала вида. В бассейне реки Тымь число ежегодно токующих японских бекасов на модельных участках пока также варьирует незначительно. Севернее посёлка Тымовское японский бекас проник совсем недавно, не более 10 лет назад, поэтому здесь ситуация наиболее динамичная и непостоянная.

В целом факт гнездования японского бекаса на открытых пространствах долин рек Пиленга, Набиль и Вази, а с 2008 года и всех остальных вновь освоенных участков заслуживает пристального внимания. Это арена прогнозируемых наиболее заметных изменений в состоянии гнездящейся популяции японского бекаса на острове Сахалин на ближайшие годы. Аналогично заметные изменения численности и границы ареала вида должны, по-видимому, продолжаться и в южной части островного ареала в Японии.

И последнее. Если гипотеза о смещении ареала японского бекаса при мало меняющейся общемировой численности вида подтвердится, то не исключено, что вся его гнездовая популяция в обозримом будущем окажется в России. В связи с этим нам кажется преждевременным выводить японского бекаса из региональных Красных книг. Как цитировалось выше, именно охота в Австралии, Тасмании и Японии подорвала в XX веке его численность. При снятии запрета на охоту на Сахалине этот вид в силу своей заметности и поведенческих особенностей окажется сильно уязвимым. Пока же эта интересная и ярко проявляющаяся динамика ареала и состояния вида требует особого внимания.

За японским бекасом на острове Сахалин наблюдали многие участники ежегодных экспедиций Амуро-Уссурийского центра биоразнообразия птиц. Авторы признательны Я.А.Редькину, Г.Н.Бачурину, М.В.Погибе, Л.В.Капитоновой, А.В.Микулину, Е.В.Лелюхиной, Т.А.Атроховой. Особую благодарность мы выражаем С.Г.Сурмачу, обратившему наше внимание на связь процессов расселения японского бекаса на Сахалине с происходящими параллельно популяционными изменениями у этого вида в Японии.

Л и т е р а т у р а

- Зыков В.Б., Ревякина З.В. 2009. Перспективы восстановления гнездовой популяции японского бекаса в районе строительства завода по сжижению природного газа в Сахалинской области // *Кулики Северной Евразии: экология, миграции и охрана*. Ростов-на-Дону: 66-67.
- Нечаев В.А. 1991. *Птицы острова Сахалин*. Владивосток: 1-748.
- Нечаев В.А. 1998. Красная книга птиц Азии: остров Сахалин и Курильские острова // *Рус. орнитол. журн.* 7 (36): 3-9.
- Нечаев В.А. 2005. Обзор фауны птиц (Aves) Сахалинской области // Богатов В.В., Баркалов В.Ю., Лелей А.С., Макаренченко Е.А., Стороженко С.Ю. *Растительный и животный мир острова Сахалин. Материалы международного сахалинского проекта. Часть 2*. Владивосток: 246-327.

- Нечаев В.А., Гамова Т.В. 2009. *Птицы Дальнего Востока России: Аннотированный каталог*. Владивосток: 1-364.
- Сотников В.Н., Вальчук О.П., Редькин Я.А., Акуликин С.Ф., Атрохова Т.А. 2013. Фаунистические находки и новые сведения о редких и малоизученных видах птиц в окрестностях залива Чайво (северо-восточный Сахалин) в 2004-2013 годах // *Рус. орнитол. журн.* **22** (932): 2903-2913.
- Amano T., Szekely T., Koyama K., Amano H., Sutherland W.J. 2010. A framework for monitoring the status of populations: An example from wader populations in the East Asian- Australasian flyway // *Biol. Conserv.* **143**: 2238-2247.
- BirdLife International 2015. IUCN Red List for birds // <http://www.birdlife.org> on 07.12.2015.
- Brazil M. 2009. *Birds of East Asia: eastern China, Taiwan, Korea, Japan, eastern Russia*. London: 1-528.
- Fujimaki Y., Skira I. 1984. Notes on Latham's snipe *Gallinago hardwickii* in Japan // *Emu* **84**, 1: 49-51.
- Garnett S.T., Crowley G.M. *The Action Plan for Australian Birds*. Canberra // <http://www.environment.gov.au/biodiversity/threatened/publications/action/birds2000/index.html>.
- Moore N. 2007. Selected records from Socheong Island, South Korea // *Forktail* **23**: 102-124.
- Moore N., Park J.-G., Kim A. 2009. *The Birds Korea Checklist*: 1- 21.
- Kitajima S., Fujimaki Y. 2003. Latham's Snipe *Gallinago hardwickii* population trends in the Tokachi plain, Hokkaido // *J. Yamashina Inst. Ornithol.* **35**: 12-18.
- Tomek T. 1999. The Birds of North Korea. Non-Passeriformes // *Acta zool. cracov.* **42**, 1: 1-217.
- Threatened Wildlife of Japan*. 2002. Red Data Book 2nd ed. Aves, Tokyo, **2**: 1-278 (in jap.).
- Naarding J.A. 1986. Latham's Snipe, *Gallinago hardwickii*, in Australia and Japan // *RAOU Report Series* **24**: 1-74.
- Watkins D. 1993. A national plan for shorebird conservation in Australia // *RAOU Report Series* **90**: 55
- Weston M.A. 1998. Report of the Birds Australia/AWSG preliminary Latham's Snipe expedition to Japan: results and recommendations // *Stilt* **32**: 46-48.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1832: 4730-4731

Биоценотические проблемы фенологии птиц

С.И.Рябинин

Второе издание. Первая публикация в 1962*

До настоящего времени фенология птиц редко рассматривалась с точки зрения биоценологии, поэтому в этой области имеются лишь скудные материалы.

Теоретические предпосылки биоценотического подхода к фенологии птиц следующие:

А) Каждое явление в природе происходит в комплексе других явлений, характерных для определённого участка пространства и вре-

* Рябинин С.И. 1962. Биоценотические проблемы фенологии птиц // *Материалы 3-й Всесоюз. орнитол. конф.* Львов, **2**: 171-172.

мени. Можно, таким образом, говорить здесь о сезонных «биологических аккордах» (Рябинин 1955).

Б) Фенологические явления в биоценозах натуральных и искусственных следует тем самым рассматривать как годичную сукцессию «биологических аккордов».

Такой подход к фенологии птиц, рассматривающий сезонные явления в их жизни как один из элементов изменяющегося в течение года «аккорда», мог бы быть методом, сравнительно наиболее верно отражающим диалектику этих явлений.

Биоценотическая проблематика фенологии птиц должна рассматривать следующие вопросы: а) взаимосвязи птицы с другими элементами «аккорда» (характер взаимосвязей); б) условия сохранения и нарушения «аккорда» явлений; в) выявление и характеристика «аккордов» и их сукцессии в разных биотопах; г) сравнительная фенология «аккордов» в разных местностях, разных биотопах и в разные годы.

Основные черты методики: а) «фенологические съёмки» биоценоза (Рябинин 1949); это заключалось бы в регистрации сезонных явлений у птиц на фоне и в связи с синхронными ведущими явлениями в мире растений, других животных (главное насекомых), а также с учётом метеорологических и климатических явлений. б) исследованиям подлежал бы отрезок целой совокупности явлений в данном биотопе, причём главное внимание исследователя сосредоточивалось бы на организме птицы.

Теоретическое и практическое значение биоценотических исследований по фенологии птиц; а) для изучения законов, управляющих жизнью естественных и искусственных биоценозов; б) для более всестороннего изучения биологии отдельных видов птиц и их комплексов, главным образом для более детального ознакомления с требованиями в отношении к меняющимся в течение года условиям среды; в) для более детального изучения хозяйственного значения птиц на разных этапах их жизненного цикла в различных биотопах; г) для практических мероприятий по охране птиц.

Место исследований: а) в заповедниках и заказниках как эталонных участках естественных биоценозов; б) в полевых культурах, лугах, садах, различных древесных насаждениях, то есть в биоценозах, формируемых человеком.

Исследования должны иметь характер стационарных и комплексных. Необходимо, чтобы в фенологических исследованиях принимало участие по крайней мере четыре специалиста: орнитолог, энтомолог, ботаник, метеоролог-климатолог.

Половая структура популяции и избирательность промысла белой куропатки *Lagopus lagopus* в Ямало-Ненецком автономном округе

В.Н.Пиминов

Второе издание. Первая публикация в 1986*

Возможность эксплуатации запасов белой куропатки *Lagopus lagopus* на Ямале в значительной степени зависит от зимних миграций вида в основные районы промысла – пойменные угодья лесотундровой зоны. По результатам анализа промысловых проб (1978-1985 годы, $n = 6015$) удельный вес самок в стаях белых куропаток в начальной стадии миграции составляет 69-86%. В то же время доля самцов в местах гнездования (кустарниковых тундрах) достигает 74-93%, хотя осенью (до начала откочёвки самок) удельный вес их в популяции изменяется по годам в пределах 46-62% ($n = 203$).

В зависимости от начала и интенсивности миграции доля самцов в северной лесотундре (севернее основных районов промысла) в конце промыслового периода (март-апрель) изменялась от 19.0 до 87.8%. Высокий удельный вес самцов отмечен здесь только в годы интенсивных миграций (1978, 1983 годы), когда и они начинают мигрировать вслед за уже откочевавшими и находящимися южнее самками. При слабой миграции (1979, 1982, 1984, 1985 годы) промысловых районов достигают в основном самки, чем и объясняется их преобладание в добыче (см. таблицу).

Доля самцов в выборках белой куропатки.
Приуральский район Ямало-Ненецкого автономного округа

Год	n	Доля самцов, %	Объём заготовок в районе, тыс. шт.
1978	452	87.8	38.3
1979	315	38.7	1.0
1980	962	60.8	9.8
1981	963	54.0	26.8
1982	593	19.0	3.0
1983	529	69.6	51.4
1984	272	25.0	4.5
1985	202	19.3	1.2

* Пиминов В.Н. 1986. Половая структура популяции и избирательность промысла белой куропатки // Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование. Л., 2: 147-148.

Широтное разграничение половых групп белых куропаток при миграциях создаёт условия для избирательности промысла птиц. Самки всегда испытывают большой промысловый пресс: они подвержены воздействию промысла более длительный период (откочёвывают к югу раньше самцов) и за время миграции преодолевают больший путь по промысловым угодьям, отчего добыча их выше. Промысловая нагрузка на самцов бывает значительна лишь в годы высокой численности и интенсивной миграции обоих полов.

При относительно низком современном уровне освоения ресурсов белой куропатки последствия этой избирательности оказываются не так сильны, как этого следовало бы ожидать, но в ряде случаев практически постоянный избирательный промысел самок может привести к нарушению структуры воспроизводственного поголовья. Не исключено, что резкие спады численности куропаток на другой год после максимумов заготовок в определённой степени могут являться следствием избирательной добычи самок во время промысла.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1832: 4733-4734

Серый буревестник *Puffinus griseus* в Баренцевом море

Э. Даффи

Перевод с английского. Первая публикация в 1951*

11 августа 1950 в 25 милях западнее острова Медвежий (74°40' с.ш., 19° з.д.) в западной части Баренцева моря был замечен серый буревестник *Puffinus griseus* в большой стае глупышей *Fulmarus glacialis*, кормившихся выброшенными при промысле остатками рыбы. Глупыши не терпели близкого присутствия буревестника и часто прогоняли его. Однажды он при этом нырнул и проплыл под водой короткое расстояние. Серый буревестник следовал за судном около 2 ч, затем исчез.

По-видимому, это самая северная точка, где серый буревестник регистрировался в Северном полушарии. В Тихом океане он достигает Алеутских островов и побережья Аляски, а в Атлантике отмечен у берегов Лабрадора, южной Гренландии, Исландии и Норвегии. Если считать острова у мыса Горн ближайшим местом гнездования серого буревестника в Атлантическом океане, то кратчайший морской путь к

* Duffey E. 1951. Sooty shearwater in Barents Sea // *Brit. Birds* 44, 5: 179. Перевод с англ.: А.В.Бардин.

острову Медвежий составляет примерно 9500 миль, что, вероятно, является самым большим зарегистрированным расстоянием для перелётной птицы от ближайшего вероятного места рождения.

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2019, Том 28, Экспресс-выпуск 1832: 4734

Кулики Доно-Цимлянского песчаного массива

В.П.Белик, Г.Б.Бахтадзе

Второе издание. Первая публикация в 1982*

Доно-Цимлянский песчаный массив занимает около 100 тыс. га. Из-за безлюдности песков и значительного разнообразия ландшафтов сохранился ряд редких видов птиц, в том числе куликов. Материалы по некоторым из них собраны 20-23 июня 1978 в юго-западной части массива.

Авдотка *Burhinus oedicnemus*. Довольно обычна; плотность примерно 1 пара на 100 га угодий. Приурочена к оголённым пескам и на задернованных равнинных участках отсутствует. С высокой плотностью авдотка заселяет сильно сбитые и стравленные травостой на песчаных шлейфах долин – у хуторов, кошар, вдоль дорог. На обочине разбитой песчаной дороги среди редкой растительности (тысячелистник Гербера и молочай Сегье с суммарным проективным покрытием около 10%) 22 июня обнаружено гнездо с 1 свежим яйцом (масса 38.93 г, размеры 48.8×38.6 мм.). Гнездо (диаметр 197 мм, глубина 38 мм) представляло собой ямку в песке, края которой были выложены кусочками коровьего навоза, гнилушками, заячьим помётом.

Кулик-сорока *Haematopus ostralegus*. Довольно обычный вид; за 4 дня встречено более 30 птиц, в том числе около 10 гнездовых пар. Гнездится вдоль побережья моря, на песчаных холмах и островах, заросших разреженной бурьянистой растительностью. Холостые птицы держатся на распашках, на заболоченных лугах с невысоким травостоем.

Ходулочник *Himantopus himantopus*. Близ северной границы ареала редок. Найдена одна гнездовая пара, державшаяся, по-видимому, с выводком на дороге, проходившей через осоковое болото.

* Белик В.П., Бахтадзе Г.Б. 1982. Кулики Доно-Цимлянского песчаного массива // Орнитология 17: 157.

Ласточки следуют за трактором и ловят вспугнутых насекомых

А.Д.Уилкинсон

Перевод с английского. Первая публикация в 1951*

16 и 20 сентября 1950 во время осенних рутинных работ на ферме в Восточном Суссексе были сделаны наблюдения за ласточками, следующими за тракторами. Поскольку на полях было много комаров-долгоножек *Tipulidae*, я предположил, что именно их и ловили ласточки. Однако 23 сентября, когда второй урожай красного клевера собирали на семена на 9.5-акровом поле, можно было провести наблюдения с более близкого расстояния. Трактор сопровождали около 300 ласточек, большинство составляли деревенские *Hirundo rustica*, меньше было воронков *Delichon urbica* и береговушек *Riparia riparia*. Часть этих птиц разрозненно летала над полем, но трактор окружало скопление ласточек, которые держались в 10-15 ярдах от него и перемещались по полю вместе с ним. Хотя было невозможно рассмотреть, ловили ли ласточки долгоножек, пчёл и шмелей, присутствовавших на поле, было очевидно, что этих птиц привлекали бабочки металловидки-гаммы *Autographa gamma*, выпугиваемые из клевера трактором. За несколько объездов поля я рассмотрел один случай успешной охоты, когда ласточки ловили этих бабочек в 3 ярдах от трактора. Несколько репниц *Pieris rapae* и единственная бабочка адмирал *Vanessa atalanta* были проигнорированы ласточками.

Другие наблюдатели, несомненно, видели следование ласточек за тракторами, но ни эта повадка, ни добывание ласточками металловидки-гаммы – мигранта наш регион – не были отмечены в литературе.

[Примечание редактора *British Birds*: Поведение, описанное А.Д.Уилкинсоном, является, несомненно, развитием хорошо известной повадки ласточек следовать за пасущимся скотом и ловить вспугиваемых животными насекомых. Мне приходилось видеть, как ласточки ведут себя так же по отношению к огромной стае кормящихся скворцов *Sturnus vulgaris*].

* Wilkinson A.D. 1951. Hirundines following tractor and taking moths // *Brit. Birds* 44, 6: 204.
Перевод с англ. А.В.Бардин.